

НЕВСКИЙ ПЯТАЧОК



НЕВСКИЙ ПЯТАЧОК



Воспоминания
участников боев
под Невской Дубровкой
в 1941—1943 годах

Дорогие Орех, Люда, Лена и Оля,
цените мир, а в трудные дни
будете мужественны, как защит-
ники Ленинграда в тяжёлые
1941—1942 годы.

Отец, дед и один из авторов (с. 146)

ЛЕНИЗДАТ. 1977

25 / III - 1992

Юрий

Подпрыгивая на ухабах, по узкой лесной дороге пробирается полуторка. В кузове ее несколько командиров. Они тревожно вглядываются в вечернее небо, на котором алеет зарево пожара. Кто-то замечает, что горит, вероятно, Невская Дубровка.

Машина сворачивает с дороги в сторону и останавливается. В наступившей темноте с трудом можно различить землянки. Тут, в прифронтовом тылу (до Невы всего километра два), расположился 21-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон, которым командует старший лейтенант Булгаков. В эту часть я назначен командиром парковой роты.

Старослужащие, с которыми мы знакомимся, рассказывают, что 21-й понтонный в начале войны действовал под Выборгом. Вместе с другими частями Красной Армии он пробивался к Финскому заливу, потом был эвакуирован морем в Ленинград.

К моменту моего прибытия батальон был по численности равен только роте. Кадровых красноармейцев оставалось по 5—10 человек во взводе. Бойцы из нового пополнения пришли без всякого боевого опыта, но с огромным желанием бить фашистов и отстоять Ленинград. Все они были ленинградцы, большей частью добровольцы — строители, горняки, шоферы, плотники. Такие люди в инженерных частях всегда нужны.

Знакомлюсь с Невской Дубровкой, полусожженным покинутым жителями поселком. Совсем недавно здесь работал бумажный комбинат. Сейчас от крупного предприятия остались разрушенные цехи, брошенные на складе рулоны бумаги и сотни тысяч ученических тетрадей в синеватых обложках. Когда в склад попадает фашистский

снаряд, вороха тетрадей, словно голуби, взлетают в воздух и разносятся по всей окрестности.

Через поселок проходит извилистый овраг, по дну которого ручейком струится Дубровка, впадающая в Неву. Противоположный берег реки Невы крутой, обрывистый, слева на нем высятся корпуса 8-й ГЭС, превращенные гитлеровцами в мощный опорный пункт, справа — печные трубы сожженной деревни Арбузово, за которую идут упорные бои. Она уже несколько раз переходила из рук в руки. Вот он, Невский пятачок, — два километра вдоль берега и метров пятьсот в глубину... Наш батальон обеспечивает переправу на этот плацдарм.

Батальон оснащен тяжелыми понтонами, однако под прицельным огнем противника работать с этой техникой невозможно. Приходится использовать только мелкие понтоны и надувные десантные лодки. Впрочем, таких плавсредств у нас мало, и они быстро выходят из строя. Ремонтировать все это хозяйство в боевых условиях очень сложно.

Весь автотранспорт нашей части и приданного ей автомобильного батальона брошен на подвоз в Невскую Дубровку яликов с лодочных станций и рыбацких лодок, собираемых в Ленинграде и его пригородах.

Говоря о работе автотранспортников, хочется добрым словом упомянуть безотказный грузовик ЗИС-5. Бензина почти не было. Заливали в бак автомашины лигроин, а чаще всего даже не лигроин — просто какую-то дымящуюся керосиновую смесь, состав которой был известен лишь работникам складов ГСМ...

С наступлением холодов машины, работавшие на этом горючем, не стали заводиться. И тут помогла смекалка шоферов-профессионалов. Они приспособили к моторам дополнительные бачки, сделанные из консервных банок. В бачки эти наливалось немного драгоценного бензина. Моторы вначале работали на бензине, а потом, после прогрева, переключались на лигроин.

Езда по бездорожью, с большими перегрузками, при отсутствии полноценного горючего и хорошей смазки приводила к преждевременному износу двигателей, особенно часто к выплыванию подшипников. Запасных частей не было. Придумывали самые разные выходы из положения. Так, например, кто-то догадался делать вкладыши подшипников из... поясного ремня. Да, кусок ремня, проваренный в масле, как выяснилось, в течение некоторого

времени заменял вкладыши подшипников колесчатого вала.

Несмотря на все трудности, автотранспорт бесперебойно подвозил для войск Невской оперативной группы боеприпасы, инженерное имущество, продовольствие. Все это сгружалось и складировалось в лесу, на некотором удалении от реки.

Навсегда врезался в память овраг речки Дубровки. В склонах его — ямы, траншеи, норы, подкопы. Тут кое-как укрывался личный состав воинских частей, ожидавших отправки на тот берег Невы. А укрываться было необходимо. Все небо над берегами, расчерченное трассирующими пулями, озарено вспышками и светом ракет, содрогается от грохота мин и снарядов...

Справа от нас, метрах в шестистах ниже по течению реки, стоял 42-й понтонный батальон, который переправлял танки, орудия и другую тяжелую технику. Для этого из Ленинграда привезли большие металлические понтоны. Чтобы скрыть от врага место сосредоточения понтонов и танков, пришлось прорыть к берегу длинную глубокую траншею.

...Наступают сумерки трудно сказать какого уже по счету дня. К переправе подходят новые части — полки 20-й дивизии НКВД. Знакомимся с командирами, с трудом различая их лица в полутьме. Объясняем порядок погрузки. Плавсредства распределены с таким расчетом, чтобы в каждую лодку садилось определенное количество бойцов. Группы десантников наготове, и как только над Невой гаснут осветительные ракеты, люди стремглав бегут к лодкам, занимают места, понтонеры налегают на весла и гонят их вперед, вперед.

Едва лодки отходят от берега на несколько десятков метров, как в небе повисает очередная партия немецких «фонарей». Снова светло как днем, и река вскипает от разрывов... Как можно скорее люди на лодках стремятся уйти в непростреливаемое пространство под левым берегом реки, но, к несчастью, достигают его не все...

Понтонеры обратными рейсами везут на правый берег раненых. На пятачке санитары подносят их к самому урезу воды.

И так всю ночь. Память не сохранила фамилию одного красноармейца из нашего батальона, который тридцать раз переправлялся на левый берег и двадцать девять раз возвращался с него обратно. Был он немолод, пришел до-

бровольцем с Кировского завода, в гражданскую воевал с Юденичем. Этого героя-бойца фашистская пуля подстерегла на тридцатом рейсе с Невского пятачка.

Светает... На переправах спешат закончить все работы, а на плацдарме разгорается бой. Вновь нависает над Невой «рама» — вражеский самолет-разведчик, который корректирует огонь артиллерии, да и сам иногда сбрасывает бомбы. Правый берег пустеет, но отдыха понтонерам нет. Поврежденные ночью ялики, лодки, понтоны нужно стащить в укрытия и до наступления следующей ночи отремонтировать.

Пополнять плавсредства нам неоткуда. Поэтому вся надежда на ремонтников. От них требуется большая изобретательность, выдумка. Легко починить лодку, прошитую только пулеметной очередью. Десяток обструганных колышков — и пробоины заделаны. Куда труднее восстановить ее, если борта пробиты крупными осколками, переломаны шпангоуты. И все равно чинят. Чинят некрасиво, но крепко. На разбитые борта ставят заплаты, обшивают их резиной от надувных лодок, заменяют шпангоуты. И лодки снова готовы принять людей и грузы.

Центральная фигура на переправе — комендант. Он находится на нашем, правом, берегу, а его помощник — на левом. Назначается комендант из командного состава понтонных частей. Ему подчиняются все. Отвечая за готовность плавсредств, обеспечивая порядок посадки, определяя время, ритм и очередность отплытия лодок, он в гуще дела, всегда на виду. И жизни ему отпущено, как подсчитали статистики после войны, всего сорок минут...

В те дни, когда роту понтонеров сменяют с дежурства и отводят в «тыл», за два километра от берега, заботы ее не прекращаются: принимаем пополнение, минируем участки правобережья от бумкомбината до Ивановских порогов, чтобы не допустить внезапного десанта фашистов...

Однажды осенним утром ко мне прибежал посыльный из штаба. Он сообщил, что в цехи бумкомбината пробрались гитлеровцы, видимо, разведка. Приказано найти и уничтожить!

Саперы второго взвода, выделенные для выполнения приказа, превращаются в истребительный отряд. Группа старшины Н. Воропаева, вооруженная до зубов, обшаривает всю территорию комбината и наконец в главном корпусе, там, где стоит невывезенный каландр и проходы

загромождены рулонами бумаги, обнаруживает лазутчиков. Нервы фашистов не выдерживают — раздаются их автоматные очереди. Как выкурить автоматчиков? Рулоны бумаги пуля не пробивает. В ход идут гранаты. Враги бросают свои. Время горения запала у них такое, что при недалеком броске наши бойцы успевают подхватить гранаты и отправить их обратно...

Ленинград для тех, кто воевал под Невской Дубровкой, был не просто большим городом. У многих в этом городе оставались родные и близкие, а вражеская блокада вызвала голод. Армия на передовой питалась, конечно, лучше, чем горожане, и наши люди экономили часть пайка, чтобы отправить что-то из продуктов семье, друзьям. Посылочки из нескольких кусочков сахара, пачки концентрата, банки консервов теперь покажутся скромными, но что они значили тогда, дано понять не каждому.

Иногда кто-то из нас, командиров, выезжал в служебную командировку в Ленинград, и тогда те, кто имел в городе близких, просили отвезти посылку, узнать, живы ли родственники. Осенью мне дважды довелось быть в Ленинграде, и многих адресатов для вручения взятых писем и посылок уже не было...

Приедешь в часть, и, если за время командировки владелец посылки или автор письма остался жив, не убит по ранению, лучше не видеть его глаз, когда приходится возвращать ему письмо и посылку. Иногда он спрашивает: «Бомба или снаряд?..» А чаще всего молча отворачивается и уходит, чтобы пережить горе наедине с собой...

В эти трудные дни бывали у нас и всякие случаи. Как-то, сменившись с дежурства, мы, несколько командиров и бойцов, забрались в землянку для инженерного имущества, примостились в ее углу и заснули. Разбудил нас сильный толчок. Никто ничего не понял, и, смахнув с лица песок, просыпавшийся с перекрытия, все опять уснули. Выйдя утром из землянки, мы увидели торчащий вблизи тяжелый неразорвавшийся снаряд. По этому поводу потом немало шутили: понтонерам, дескать, суждено тонуть, на суше им и снаряд не страшен.

И еще один забавный случай. Два шофера, кажется, Филатов и Петров, были посланы с поручением. В пути их внимание привлекла лежащая под высоким деревом канистра. Шоферское сердце взыграло: «А вдруг не пустая, с бензином!» Они бросились к дереву, и в этот момент сверху свалилось что-то тяжелое. Отпрянув, бойцы ин-

стинктивно схватились за карабины. Перед ними, слясь приподняться и вытягивая руки вверх, лежал гитлеровский солдат. Сидя в густых ветвях, фашист неловко повернулся и упал с дерева.

Шоферы доставили в часть и трофей и пленного. Оказалось, что он и еще несколько автоматчиков перешли через Неву с заданием произвести диверсии в нашем тылу, поднять панику. «Язык» на допросе показал, где искать других диверсантов. Все они были обезврежены.

В конце октября и начале ноября на Неве появились забереги, поплыла шуга. Тяжело приходилось понтонерам: лодки обмерзали, их все чаще стало относить вниз по течению, к изгибу реки, прибывая к вражескому берегу. Тогда за речной излучиной вспыхивали короткие ожесточенные схватки. Люди дорого отдавали свои жизни.

...Обычный серый ноябрьский день. Враг только что обрушил на переправы ураганный огонь. Сверху падают комья мерзлой земли. В окопчиках и норах, вырытых в овраге Дубровки, скорчившись, сидят бойцы.

В одной из нор — человек пять командиров, которые укрылись от артонала. Но вот огонь стихает. Один командир встает и на ходу говорит:

— Товарищи, я пошел — мое дежурство... Разберусь в обстановке, вас позову. Не к чему всем лезть под огонь...

Высокий капитан в ватнике, не выпуская изо рта дымящейся трубки, по-хозяйски осматривает берег, прикидывая, что осталось целым после обстрела, на чем еще можно переправлять войска. Вдруг послышался скрипучий рев «ишака» — немецкого шестиствольного миномета. Сверкнуло пламя, и там, где стоял капитан, осталась лишь дымящаяся воронка...

Через несколько часов медсестра Аня Беленькая нашла среди тонкого битого льда тяжело раненного капитана. Сердце его слабо билось.

...Спустя много лет я побывал на встрече ветеранов Невской Дубровки, в местах, где довелось воевать. У Дома культуры поселка были расставлены транспаранты с наименованиями воинских частей, участвовавших в битве на Неве. У каждого из транспарантов собирались группы однополчан. Объятия, слезы, смех, воспоминания. У транспаранта с надписью «понтонеры» нас собралось всего двое — от двух батальонов.

Неужели всех унесла война?